

Линкольнширские истории

Смерть Мэри Уилсон, или Чисто английское убийство

Солнце садилось. Вдалеке показалась башня старой церкви. Мы подъезжали к Сакселби. Последние солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, растущих у дороги, оставляли золотые узоры на холодном сером асфальте. На деревянной изгороди, отделявшей дорогу от поля, я увидела табличку с надписью: "Том Оттер роуд". "Кто этот у вас Том Оттер? — решила поиронизировать я, удивленная тем, что дорога, выходящая между полей, названа именем человека. — Великий политический деятель? Или великий писатель?" — "Это убийца, — услышала я невозмутимый ответ. — На этом месте было совершено ужасное убийство, и эта дорога у нас как историческая достопримечательность. Если тебе интересно, пойдем в библиотеку в Сакселби, там есть копии старых газет с материалами об убийстве, да и библиотекари обожают рассказывать эту историю".

Ну конечно же, мне было очень интересно!

4 ноября страшная весть ворвалась в небольшую британскую деревушку Сакселби графства Линкольншир. Единственная дочь начальника железнодорожной станции Роберта Уилсона была жестоко убита, тело ее было брошено в канаву у дороги, ведущей из Сакселби в Доддингтон.

Мэри была единственной дочерью в семье. Веселая, доброжелательная, жизнерадостная, она унаследовала от матери-шотландки рыжеватые волосы, белоснежную кожу и красивый высокий голос. Она пела в церковном хоре и хорошо танцевала. Красавицей ее нельзя было назвать, но когда она улыбалась, и ее зеленые глаза начинали искриться, у парней кружилась голова.

С Томом Оттером Мэри познакомилась в Линкольне в мае 1805 года. Том был высоким крепким тридцатидвухлетним мужчиной. Он работал рабочим в Линкольне, а жил в Доддингтоне, в трех милях от Сакселби. Бурный роман закружил девушку в водовороте страстной любви, очнулась она только тогда, когда поняла, что у нее будет ребенок. Том Оттер не спешил узаконить с Мэри их отношения, поскольку, как позже выяснилось, он уже был женат.

В один прекрасный вечер два здоровенных фермера во главе с Робертом Уилсоном подстерегли злополучного "Дон Жуана" и, прижав его к стене, пригрозили ему тюрьмой, ежели он не женится на Мэри.

3 ноября 1805 года Том Оттер и Мэри Уилсон повенчались. В церкви присутствовали два констебля и удовлетворенные жители Сакселби. После венчания молодожены с друзьями отправились в паб "Солнце" отпраздновать счастлирое событие. Том много пил и был весел, Мэри была прекрасна и светилась от счастья. Поздно вечером молодожены, простившись с друзьями, покинули паб. Они направились в дом Оттера в Доддингтон.

Гарри Харрисон, человек, дежуривший в эту ночь на мосту, поздравил молодую пару, пожелав ей счастливой семейной жизни. Пройдя через мост, молодые люди пошли в сторону Доддингтона. Оставив половину пути позади, Том предложил жене передохнуть, сказав, что ему нужно отойти по нужде. Ничего не подозревая, девушка присела на траву у дороги. Тем временем Том, обладая недюжинной силой, выдернул из изгороди двухметровый кол и сзади нанес Мэри несколько смертельных ударов по голове. Затем, сбросив тело в придорожную канаву, быстрым шагом направился в сторону Линкольна.

Утром женщины, идущие на работу, нашли тело Мэри в кустах, в воде. Узнав ужасную новость, вся деревня сбежалась на место преступления. Бедную девушку положили в телегу и привезли в паб "Солнце". Там оставили ее на столе и стали ожидать приезда полиции.

В этот же день Том Оттер был арестован в Линкольне, а на следующее утро полицейские привезли Тома в Сакселби для проведения расследования. Допрос проводили в пабе. Полицейский указал Тому на деревянный кол, лежавший на столе рядом с телом Мэри: "Вы знаете, что это?" — "Впервые вижу", — хладнокровно ответил убийца.

Оттер полностью отрицал свое отношение к происшедшему. Он рассказал, что, покинув паб, они с женой направились домой в Доддингтон, по дороге у них произошла ссора, Мэри повернулась и ушла назад в Сакселби. Дальше он не знает ничего.

Тома отвезли обратно в тюрьму, в Линкольн, для доследования дела. Следствие длилось несколько месяцев. Суд признал Тома Оттера виновным в убийстве Мэри Уилсон и приговорил его к смертной казни через повешение.

14 марта 1806 года приговор был приведен в исполнение. Казнь состоялась на площади

Линкольна, рядом с "Рабочим домом". После казни тело сняли с виселицы, облили смолой и заключили в металлические обручи. В таком виде шесть дней спустя оно было доставлено из Линкольна в Доддингтон и вновь повешено на месте убийства.

Джон Дамбели пил в пабе "Солнце" вместе с Оттером и его гостями. Вскоре после ухода новобрачных он тоже поспешил домой в деревню Дринзей-Нок, которая находилась рядом с Доддингтоном. Когда Дамбели подошел к мосту, дежуривший в ту ночь Харрисон сообщил ему, что минут пятнадцать назад здесь прошли Том и Мэри, и если он поспешит, то сможет догнать молодоженов. Джон ускорил шаг, решив, что в компании путь домой будет короче и веселее. Когда он дошел до небольшой посадки, растущей вдоль дороги, ему показалось, что он слышит голоса. Решив подшутить над молодыми, Джон тихонько подкрался к кустам.

— Присядь здесь, нужно передохнуть, — услышал он голос Оттера.

В этот момент луна, вырвавшись из-за тучи, осветила фигуры, и Джон увидел, как Том выдернул огромный кол, поддерживающий изгородь, и, сделав три шага, ударил девушку по голове. Она закричала: "Господи! Помоги мне!" — и упала на траву. С перекошенным от ярости лицом Том с силой ударил ее снова. Наступила тишина... Откинув в сторону кол, он стащил тело в канаву и быстро исчез в темноте.

Оцепенев от ужаса, Джон Дамбели не мог пошевелиться. Он сидел в кустах затаив дыхание. Мысль о том, что Оттер может вернуться, не покидала его. Наконец, собравшись с силами, Джон выскочил из кустов и изо всех сил бросился бежать в противоположную от Доддингтона сторону.

Прожив около четырех месяцев в небольшом городке Кренстоне, расположенном к северу от Линкольна, и проработав там грузчиком на фабрике, Дамбели вернулся в Доддингтон 20 марта 1806 года. Зайдя в первый попавшийся паб пропустить кружку пива, он услышал разговор за соседним столом о том, что тело убийцы привезли из Линкольна и завтра его собираются вздернуть на виселицу, которую соорудили у дороги между Доддингтоном и Сакселби.

На следующее утро Джон с толпой любопытных поспешил к месту казни.

Тело Оттера, облитое смолой и стянутое железными обручами, было слишком тяжелым, и палач попросил нескольких человек помочь ему. Среди помощников оказался и Джон Дамбели. Четверо сильных мужчин не без труда подняли тело и крепко затянули узел веревки, но когда из-

под столба убрали лестницу, внезапно что-то произошло, и Том Оттер в своем смоляном саркофаге сорвался вниз. Падая, он ударил Джона по руке и сломал ему предплечье.

Вторая попытка вздернуть на виселицу безжалостного убийцу была более удачной. Оттер остался висеть под одобрительные возгласы местных жителей, довольных свершившимся правосудием.

Рука Джона Дамбели срослась неудачно, еще долгое время причиняя ему сильную боль. Он остался калекой на всю жизнь. Один из фермеров, Мэтт Хетуэй, участвовавший в повторной казни, разбился насмерть через неделю, упав с крыши собственного дома.

Кол, которым была убита Мэри Уилсон, хозяин "Солнца" Генри Квейд прикрепил над дверью в пабе и показывал его посетителям как достопримечательность своего заведения, повествуя о страшном злодеянии, история которого была непосредственно связана с пабом "Солнце". Однако вместо процветания на Квейда начали сыпаться несчастья: забрав все деньги из дома, неизвестно куда сбежал его старший сын, тяжело заболела жена, и Генри остался без помощницы. В одну из жарких летних ночей по неизвестной причине в пабе вспыхнул пожар. Найдя обгоревший кол и сочтя его причиной всех своих бед, Квейд разрубил его на части и закопал под виселицей, на которой маялся Том Оттер, внушая ужас пролетающим мимо воронам.

Тело Тома Оттера провисело в своей чудовищной оболочке сорок четыре года, и в 1850 году виселица, обветшавшая под дождями и ветрами, сломалась и рухнула на землю. И спустя двести лет дорожный указатель с надписью "Дорога Тома Оттера" не дает нам забыть печальную историю о трагической судьбе нежной любящей Мэри и жестоком злодее Томе Оттере.

"Три привидения из "Белого сердца", или Зарисовки в стиле кантри

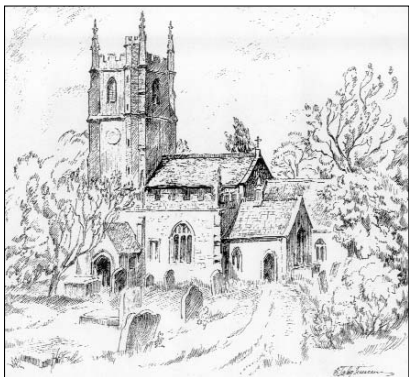
Я очень люблю Лондон. Лондон — это потрясающе! Трафальгарская площадь, Вестминстерский мост, здание Парламента, набережные, окутанные утренним туманом, и площадь Пикадилли, сверкающая вечерними огнями, со знаменитой парящей фигуркой Эроса в центре, под которой назначают свидания все влюбленные. Знаменитые красные автобусы, виртуозно лавирующие по узким улицам, розы, цветущие в парках и скверах зимой, богатство музейных коллекций, всемирно известные выставки, шопинг-центры, улыбающиеся прохожие. Лондон — это вечный праздник!

Но несмотря на всю мою пылкую любовь к помпезной столице Англии, мое сердце все же принадлежит совсем другому, особенному миру Великой старой Британии. Этот удивительный сказочный мир — английские деревни. Здесь время останавливается, ты не ощущаешь, что наступает завтра или проходит неделя, напротив, ты возвращаешься в прошлое. Вряд ли найдется деревушка, через которую не проезжал бы какой-нибудь король или знаменитый рыцарь. Каждый уголок дышит историей, колокольным звоном древних церквей, из века в век плывут мистические сказания, а в старых пабах шалют неугомонные привидения. Домики с красными черепичными крышами утопают в цветах. А вокруг изумрудные, желтые, сиреневые поля, голубые бескрайние дали, вышитые разноцветными узорами лужайки, речушки, журчащие о чем-то своем, и птицы, парящие в хрустальном воздухе, нарушают тишину своими трелями, воспевая тихую нежную красоту этой земли.

* * *

В Сакселби, графства Линкольншир, мы приехали, когда уже ступались сумерки. Сидя у камина с традиционной чашкой английского чая, приятно было расслабиться после долгой дороги. Стеклопанная дверь в сад была приоткрыта, с полей доносился запах свежескошенной травы. За забором, увитым плющом, среди деревьев виднелся силуэт башни старой церкви. На фоне синего неба он казался сказочной крепостью. "Сейчас начнут звонить колокола, — предупредил хозяин дома, — звонить будут час, не знаю, как ты к этому отнесешься". "Замечательно", — ответила я.

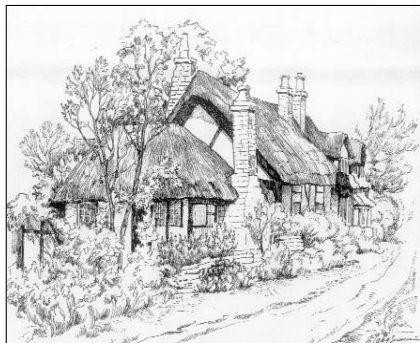
Привыкнув к нашему православному оглушительно мажорному звону, я приготовилась услышать нечто подобное. Несмотря на то, что церковь находилась рядом, звон раздался как бы издали, вернее, это был не

звон, а нежная мелодия, светлая, волнуемая, она плыла в тишине, едва касаясь крон деревьев. Звон внезапно смолк, но через несколько секунд новая мелодия взлетела в вечернее небо, наполняя сердце радостью и покоем. Звучала волшебная музыка колоколов, призывая нас к любви и добру, и в этот момент казалось, что все в нашем мире будет прекрасно. Одна композиция сменяла другую, но ни разу не повторилась дважды, и только когда последние звуки мягко растаяли на засыпающих полях, я почувствовала, что время остановилось, природа замерла, боясь вспугнуть неосторожным дуновением ветерка эту благодать, оставленную нам вечерним звоном колоколов.

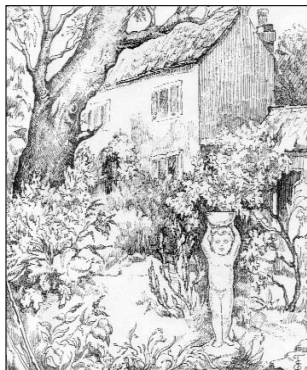
* * *

Неподалеку от нашего дома стояло старое заброшенное здание из красного кирпича. Огромное дерево со сломанными высохшими ветками крепко держало его в своих объятьях. Вход во двор почти зарос кустарником и представлял собой маленькую зеленую арку из сплетенных между собой ветвей. Похоже, что в деревушке этот дом уже давно никого не интересовал. В надежде найти какой-нибудь интересный мотив для этюда, исцарапанная колючками и искусанная крапивой, я очутилась во дворе таинственного дома. Двор скорее напоминал дикое поле — бурьян по пояс, видно было, что нога человека не ступала сюда уже давно. Некогда

красивое здание смотрело на меня безжизненными окнами, от них веяло печалью и одиночеством. Одно стекло было разбито, очевидно, от удара брошенного камня. В нем зияла черная дыра, от которой кривыми лучами расходились трещины, как будто кто-то непрошенный ворвался в чью-то тихую жизнь, искалечил ее и исчез навсегда.

Утопая в высокой траве, я осторожно прошла к окну. На подоконнике стояла оставленная кем-то стеклянная пивная кружка, пустая бутылка, по которой, о чем-то размышляя, медленно бродил паук, лежала рядом. Напротив дома из кустов выглядывало маленькое строение с забавной покосившейся крышей, когда-то здесь жил лохматый сторож, охранявший покой этой усадьбы. Под дряхлым навесом лежали останки мебели, дырявая кухонная утварь, куски ржавого железа. Среди этого хлама белела чудом уцелевшая садовая скульптура мальчика, державшего над головой круглую вазу для цветов.

Пробравшись через дремучие сорняки под навес, я с трудом вытащила фигурку из-под реликвий некогда бившей ключом чьей-то жизни. Очистив маленькую статую от земли и паутины, я поставила ее на траву посреди двора. Малыш смотрел на меня круглыми добродушными глазами, единственный немой свидетель разыгравшейся здесь жизненной драмы. Освещенная мягкими лучами предзакатного солнца, его белая одинокая фигурка еще больше подчеркивала печаль и брошенность этой усадьбы. Работать мне расхотелось, я повернулась и с легкой грустью пошла домой.

К ночи похолодало. Забарабанил по стеклам дождь. Ветер заскулил, застонал, застучал ветками по крыше, напоминая, что осень вошла в свои права. Закрыв форточку, я посмотрела на улицу. За окном было мокро, темно и пустынно, а в гостиной холодно и неуютно. Пришлось разжечь камин.

И вдруг я вспомнила про малыша, который сейчас стоит один под дождем, в заброшенном темном дворе. Сердце мое сжалось, как будто я оставила там маленькое живое существо. Схватив зонт, в комнатных тапочках я выскочила из дома, добежала до старого особняка, преодолевая страх и мокрые колючие ветки, быстро пробралась во двор, схватила фигурку мальчика и бросилась бегом назад, крепко, как живого, прижимая к себе малыша.

Сейчас у моих друзей в Саксельби, в красивом саду стоит маленькая белая скульптурка — малыш, держащий над головой круглую вазу с цветами. Он улыбается, ему нравится его новая жизнь.

* * *

Солнце золотыми лучами пробивалось сквозь развалины старой крепости, бросавшей длинную фиолетовую тень на холм, по которому изви-

листой лентой спускалась к реке дорога. Мы возвращались из Йорка, где замечательно провели воскресный день.

— Эх, — мечтательно произнес Пол, — сейчас бы чашечку чая с яблочным пирогом...

Мы свернули на дорогу, ведущую к Сакселби, и машина поплыла между полями, освещенными теплым заходящим солнцем.

— А вот и яблочный пирог! — воскликнула я, увидев стоящие вдоль дороги яблони, увешанные красными яблоками. — Давай немного наберем.

Яблоки были красивые, но по вкусу немного уступали нашим родным с Привоза. Правда, для пирога были в самый раз. Набив карманы куртки яблоками, я в приподнятом настроении села в машину. Через несколько минут мы въехали в маленькую деревушку. На фермерском доме белела вывеска с надписью "Свежие яйца, 1 фунт за дюжину". "Стоп! — закричала я Полу. — Давай возьмем, и не нужно будет заезжать в магазин".

Пожилой фермер, получив свой фунт, с улыбкой вынес нам две корочки с нарисованными на них цыплятами. Было очень приятно купить свежие яйца, можно сказать, прямо из-под курочек, и в два раза дешевле, чем в супермаркете. Я почувствовала себя *business woman*, заключившей крутую сделку. Яблоки — даром, яйца почти даром, но прелести английской деревенской жизни были еще впереди.

Вскоре между деревьями показалась колокольня знакомой церкви, мы подъезжали к Сакселби. Здесь меня поджидал очередной сюрприз. В начале улицы перед домом, увитым розовым кустом, стоял изящный деревянный столик, покрытый белой скатертью. На столе были аккуратно разложены пять кулчков с помидорами, рядом стояла тарелка с несколькими монетами. На белом листе бумаги каллиграфическим почерком было выведено: "Помидоры 50 пенсов за фунт". Цена символическая. Нет, сегодня просто какой-то день везения! Я выскочила из машины с зажатым в кулаке полтинником. Монета стукнула о тарелку, а я стала обладательницей красных, пахнущих полем помидоров.

Нужда ехать в магазин отпала, и мы свернули на узкую улочку, ведущую вверх, к церкви. Можно было возвращаться домой. Но не тут-то было. На следующем повороте прямо на траве стояла большая плетеная корзина, наполовину наполненная медовыми розовобокими сливами. Надпись на куске фанеры гласила: "Сливы даром. Только, пожалуйста, оставьте корзину".

— Боже мой! Как чудесно жить в английской деревне, — думала я, перекладывая сливы в один из полиэтиленовых пакетов, которые лежа-

ли рядом с корзиной, предусмотрительно оставленные заботливыми хозяевами слив.

* * *

Очень ценю англичан за их отношение к животным. В Англии я не встречала ни одной бродячей собаки или кошки. К лошадям они относятся с особенной любовью. В деревнях их заводят, как собак, и держат при доме для собственного удовольствия. Если нет возможности поселить лошадок рядом с собой, их отдают на воспитание фермерам, а по уик-эндам приезжают к свои любимцам, чтобы провести с ними выходные, покататься верхом, доставить удовольствие детям.

В один из теплых сентябрьских дней мы ехали по узкой заасфальтированной дороге, выходящей между полей, в поисках мотивов для пейзажей. Через несколько минут на солнце блеснула голубая лента реки, три высоких дерева живописно отражались в воде, а по обе стороны дороги, отгороженной от полей старой деревянной изгородью, паслись кони.

"Боже мой, какая красота! Останови, пожалуйста, машину", — попросила я своего друга Пола. Мы остановились на обочине. Выйдя из машины, я подошла к забору и позвала лошадей. К моему удивлению, они наперегонки бросились ко мне и, поочередно тыча мордами мне в руку, как бы просили их приласкать. "Они скучают по людям, — пояснил мой спутник, — им нужно общение, а они целыми днями бродят одни по лугам".

С противоположного поля к дороге подошел огромный белый конь — мощный тяжеловоз с густой длинной гривой и лохматыми ногами — и тоже потянулся к нам. Я не смогла устоять перед его обаянием и почесала его за ухом. Конь демонстративно повернулся ко мне крупом, как бы говоря: "Вот тут очень чешется, только я не достаю". Я начала скрести его чуть повыше хвоста, и тут у этого могучего красавца от удовольствия начали дрожать и подгибаться задние ноги, как у моего спаниеля, когда ему чешут бок. Всем своим весом он медленно осел на ветхую изгородь, которая, в свою очередь, начала заваливаться на меня. "Прекрати! — закричал Пол. — Сейчас забор упадет!" Пришлось массаж немедленно прекратить и оставить коня в полном разочаровании.

Наш джип вновь понесся по серпантинной дороге между полей, лугов и садов, манящих спелостью тяжелых красивых яблок. Через минут пятнадцать мы подъехали к старой ферме. Через дорогу, напротив, в поле, я вновь увидела лошадей. Они лениво пощипывали траву, явно наслаждаясь жизнью. Неподалеку стояло длинное одноэтажное здание со мно-

жеством маленьких окошек. Все это хозяйство было ограждено забором с кованой надписью на железных воротах — "Horse house". "Это дом для старых лошадей, — пояснил Пол. — Когда они становятся слабыми и больными, здесь их кормят, лечат. Днем они пасутся на природе, а вечером идут спать в стойла. И так они живут до своей естественной смерти".

На лугу, благоухающем ароматным разнотравьем, почтенные пенсионеры мирно принимали солнечные ванны, периодически помахивая хвостами, прогоняя назойливых осенних насекомых.

Одна из лошадок стояла чуть поодаль. Несмотря на теплый день, она была покрыта попоной. Очевидно, у нее были проблемы со здоровьем.

* * *

Но что за прекрасная жизнь у свиней Туманного Альбиона! На огромном поле процветает удивительное государство. Свинарники английских пигги больше напоминают правительственные дачи. Каждая свинка имеет собственное угодье, около 20 кв. м, невысокий заборчик из легкой проволоки не позволяет приходиться соседкам без приглашения в гости. На свинячей вилле имеется персональный полукруглый дом, похожий на разрезанную пополам консервную банку, о который можно, повизгивая от восторга, долго тереться боком, личная кормушка и шикарная лужа, в которой можно лежать медитировать, забыв о собственных детях, резвящихся в зеленой траве. В отличие от своих упитанных мамаш, поросята легко пролазят под проволокой и, собираясь в детсадовские группы, путешествуют с одного участка на другой. На таком поле проживает около двухсот свиней. А каждая свинка имеет в среднем до пятнадцати поросят. Зрелище удивительное, забавное, незабываемое.

* * *

Мы подъезжаем к маленькой деревушке с амбициозным названием "Ньютон-на-Тренде". Моросит мелкий дождик, и мы уже слегка опаздываем на встречу в друзьями, которые пригласили нас поужинать в паб "Белое сердце", славившийся в округе хорошей английской кухней. Когда мы подъехали к месту встречи, наши приятели уже сидели за столиком у входа в паб под большим зеленым зонтом и, ожидая нас, с покрасневшими от сырости носами допивали свои бокалы пива.

Подул промозглый ветер, и мы поспешили войти в маленький уютный ресторан. Паб "Белое сердце" представлял собой небольшой вытянутый в длину двухэтажный дом с крошечными окошками. Второй этаж, слу-

живший отелем, был настолько низким, что казалось, постояльцам там приходится ходить, согнувшись в три погибели. Древняя черепичная крыша, побеленные стены с традиционными цветочными корзинами — в общем-то, ничего особенного по сравнению с рядом стоящими сказочными домиками, с изысканно милой архитектурой в стиле кантри. Но...

Паб "Белое сердце" был построен в 1600 году. Он находится между Шелфилдом и Линкольном, и служил гостиницей для извозчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные блихи с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещая столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула вверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игруш-

ка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебой начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.

Подошел Питер, поинтересовался, довольны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрал полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл беспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полок, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяева пригасили в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех милостивых старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой

мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на брэнной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.

После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжают. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолюдинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Сакселби, Линкольншир
Рисунки автора

